

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Владимир
Нобиков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Для передвижения в пушкинском мире современному читателю, особенно молодому, нужен компас, считает писатель, доктор филологических наук, профессор МГУ Владимир Новиков, автор биографий Блока и Высоцкого в серии «ЖЗЛ». Таким компасом он видит свою новую работу — жизнеописание Александра Сергеевича Пушкина, представленное как опыт доступного повествования, из которого читатель может почерпнуть не концепции и гипотезы, а самые необходимые сведения. При этом автору удалось уловить динамику реальной судьбы великого русского поэта, вбирающей в себя и «труд упорный», и «все впечатленья бытия».

- [Владимир Новиков](#)
 -
 - [От автора](#)
 - [Александр Пушкин](#)
 -
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)
 - [XVI](#)
 - [XVII](#)

- [XVIII](#)
 - [XIX](#)
 - [XX](#)
 - [XXI](#)
 - [Конец ознакомительного фрагмента](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
-

Владимир Новиков
АЛЕКСАНДР ПУШКИН

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2137

(1937)

Владимир Новиков

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2022

Новиков В. И.

Н 73 Александр Пушкин / Владимир Новиков. — М.: Молодая гвардия, 2022. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1937).

© Новиков В. И., 2022

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2022

От автора

Рассказать биографию Пушкина... Впервые с такой задачей я столкнулся в 1998 году в Норвегии. Лекция моя называлась «Легендарные русские поэты», аудитория — творческий семинар студентов разных факультетов, все пишут верлибры по-норвежски.

— Первый легендарный поэт России — это, конечно, Пушкин, — начал я, ожидая понимающих улыбок: мол, про него-то мы знаем.

Оказалось, слышат впервые. Написав на доске «Pushkin», я осознал уникальность ситуации и свою огромную ответственность перед отечественной культурой. То, что я скажу, станет для моих слушателей единственной правдой о нашем национальном гении. Никакой отсебятины — надо выбрать главное и изложить его самыми ясными и быстрыми словами.

Следующий, 1999 год был юбилейный, и цикл лекций о Пушкине в университете города Экс-ан-Прованс читался по-русски славистам.

— Когда Пушкин первый раз приехал в Париж? — спросил я студентов для начала.

Все на мгновение напряглись, а потом заулыбались: *jamais!* никогда! Не довелось ему во Франции побывать. Что ж, с подготовленной аудиторией — разговор совсем другой.

В том же году я написал статью «Двадцать два мифа о Пушкине», которая вышла и во Франции, и в России. Разложил по полочкам: «наше всё», «умнейший человек России», «дурак» (по Писареву и Хармсу), «донжуан», «однолюб», «оптимист», «пессимист», «атеист», «религиозный поэт», «пророк и учитель», «эстет», «новатор», «традиционалист», «декабрист», «монархист», «космополит», «патриот», «жертва», «победитель» и т. п. Вроде бы ничего не упустил, существенно новых мифов в XXI веке не появилось.

Творческие мифы — духовная роскошь? Современному читателю предлагается большой выбор пирожных, а где такая простая и внятная биографическая книжечка, которая была бы куском хлеба для неподготовленного, не слишком начитанного человека? Чтобы из нее он мог почерпнуть не концепции и гипотезы, а самые необходимые первичные сведения.

Ответ, впрочем, известен: такой книжечки нет. Современная пушкинистика богата и разнообразна: разыскания, разборы, интерпретации, академическая текстология. Но всё это рассчитано на читателя-специалиста, читателя как минимум с высшим филологическим образованием. Думаю, что и серьезная книга Ю. Лотмана, вышедшая 30 с лишним лет назад в качестве пособия «для учащихся старших классов», сегодня трудна не только для подростка, но и для большинства взрослых читателей. Для передвижения по пушкинскому миру нужен компас, желательно компактный. Чтобы в карман вмещался и не требовал длительного изучения.

Вот такую карманную книжечку задумал я написать для малой серии «ЖЗЛ» (в большой серии имеется благополучно переиздающийся двухтомник Ариадны Тырковой-Вильямс). Помимо цели просветительской была здесь и специфическая литературная задача. В судьбе писателя есть сюжет и фабула. Сюжет — это творческая эволюция художника, это единый смысл всего им написанного, это его взаимоотношения с литературной историей. Фабула — судьба личности в житейском пространстве. Пушкинский сюжет так грандиозен, что фабула в нем, как правило, растворяется. В пушкинистике «творчество» решительно доминирует над «жизнью».

Между тем наступил новый век, и литературоцентризм остался в прошлом. Новый читатель больше интересуется жизнью — и собственной, и писательской. От нее он может шагнуть и к текстам — такова теперешняя мотивация. Жизнь у Пушкина была довольно интересная и фабульная. А что, если прочертить эту фабулу, увидеть ее общим планом? Мне совсем не хотелось творить очередного «моего Пушкина» — тянуло уловить динамику реальной судьбы героя, вбирающей в себя и «труд упорный», и «все впечатленья бытия».

Пушкин по своей природной сути — ныряльщик. Уловив течение жизни, он бросается в поток. Новая любовь, новая дружба, новая дуэльная вражда, новое путешествие. И точно так же — новое сочинение, стихотворное или прозаическое. Ритм не теряется ни на минуту, драйв возрастает. Течение несет Пушкина к неминуемой гибели, за которой столь же неминуемое бессмертие. Каждый пушкинский текст, любой эпизод его судьбы сохраняют заряд прижизненной динамики. Мы можем получить свою дозу и читая стихотворение, и воспринимая (или вспоминая) отдельный

биографический факт. Отбор фактов для книги — профессиональный риск биографа, поскольку он может положиться только на собственную интуицию. Абсолютно научной может быть разве что многотомная «летопись жизни и творчества» на тысячи страниц. Компактная же книжка всегда субъективно-изобразительна. Это относится и к повествованию Ю. Лотмана, и к повествованию И. Сурат и С. Бочарова. Единственного решения здесь быть не может.

По жанру считаю свою книжку новеллой. В ней нет подзаголовков — эпизоды обозначены просто римскими цифрами, как строфы в «Евгении Онегине» или в «Домике в Коломне». В какой-то степени мне было созвучно то понимание пушкинской судьбы, которое содержится в раздумьях автобиографичного героя повести Сергея Довлатова «Заповедник». Ясный и прозрачный стиль Довлатова-рассказчика был бы, наверное, идеален для краткой биографии Пушкина. Простота может быть способом *отстранения*, свежего взгляда на знакомый предмет, многократно мифологизированный и демифологизированный. «Пишем для человека, а не для соседнего ученого», — говорил В. Шкловский. Обращение к неведомственному читателю обусловило почти «детгизовский» дискурс книги. На этот риск я пошел сознательно.

В процессе писания книжки я внутренне примирился с самыми разными существующими насчет Пушкина мифологемами — они по-своему правомерны. Пушкин как человек-мир открыт для любых художественных уподоблений. Моя книжка ни с кем не спорит — надеюсь, что и прочитавшие ее без предубеждения заинтересуются тем, что написано и пишется о Пушкине.

Это моя третья книга в серии «Жизнь замечательных людей». Предыдущими персонажами были Высоцкий и Блок. Состав «троицы» весело предсказан Высоцким в песне «Посещение Музы»: «Ведь эта Муза — люди подтвердят! — / Засиживалась сутками у Блока, / У Пушкина жила не выходя».

Пушкин, Блок и Высоцкий, по-моему, — три самых легендарных русских поэта. Ведь, скажем, Мандельштам не является культовым для «простых» людей, а Есенин — наоборот, не «культов» для эстетов.

Степень легендарности, кстати, экспериментально проверяется по тому, насколько знамениты спутницы поэтов. Здесь Наталья

Николаевна, Любовь Дмитриевна и Марина Влади(мировна) оставляют всех соперниц далеко позади.

Все три поэта делали сознательную ставку на демократизм, который был для них главным эстетическим вектором.

Еще все трое, страстно интересуясь социальными вопросами, не были политически ангажированы. «Медный всадник», «Двенадцать», вся совокупность песен Высоцкого (для примера приведу «Баньку побелому» или «Старый дом») — структуры многозначные, в смысловом отношении амбивалентные, не сводимые к идеологическим схемам.

Пушкин, Блок и Высоцкий сходятся еще в одном отношении. Обладая несомненной харизматичностью, они не стремились к лидерству, не были кружковыми «гуру». Им больше нравилось присутствовать в разнообразных кругах и кружках, получая свежую информацию, наблюдая за новыми людьми. Любимая форма дружеского контакта у всех троих — диалог, встреча один на один. Можно даже прочертить некоторую сравнительную типологию связей. Таково, например, амплуа верного друга, лишённого конкурентно-творческих амбиций. Для Пушкина таким был Павел Нащокин, для Блока — Евгений Иванов, для Высоцкого — Вадим Туманов.

Каждый из героев потребовал своего подхода. Больше всего филологической рефлексии в книге о Высоцком, что обусловлено полемической необходимостью: многие интеллектуалы до сих пор не видят его семантической двуплановости, его способности мыслить разными точками зрения. В книге о Блоке «жизни» и «творчества» поровну, поскольку он жил и писал в эпоху жизнетворчества.

На Пушкина, по-моему, такая «серебряновечная», модернистская модель не распространяется. Не думаю, что он творил свою жизнь по эстетическим законам, как произведение искусства. Он отдавался стихии жизни со всей человеческой непосредственностью, что и придает его многоактной биографической драме смысловую прозрачность. Впрочем, эту мысль я старался не декларировать, а передать ее в повествовании. Чтобы сама жизнь поэта сказала это читателю.

Первых читателей рукописи: Н. М. Азарову, А. В. Василевского, А. В. Кулагина, О. И. Новикову, Л. И. Соболева — благодарю за полезные советы и уточнения.

Александр Пушкин

На Земле есть Россия, в России — Москва, в Москве — Немецкая слобода.

Там, на углу Малой Почтовой улицы и Госпитального переулкa, стоит дом коллежского регистратора Скворцова, арендуемый отставным майором Сергеем Львовичем Пушкиным. 26 мая (по новому стилю — 6 июня) 1799 года, в день Вознесения, здесь появляется на свет его сын Александр, который станет первым поэтом России и главным ее символом.

Пушкин — будет.

Вспоминать о раннем детстве — не его склонность. Культ детства — религия эгоцентриков, которые всматриваются в себя, чтобы понять мир. А он из тех, чей взгляд изначально обращен вовне. Ему, чтобы осознать себя, надо стать человеком-миром.

А пока Александр — малоподвижный, толстый мальчик. Ему нравится сидеть дома с бабушкой Марией Алексеевной и смотреть, как она занимается рукоделием. Но мать насильно водит его гулять, принуждая бежать за нею. Как-то раз, отстав, он садится посреди улицы. Из окна дома на него глядит дама. Смеется. Мальчик встает со словами: «Ну, нечего скалить зубы».

Такова первая известная реплика Пушкина в его диалоге с окружающим миром. Она сохранится в памяти сестры Ольги, которая полутора годами старше брата.

А сам он в письме жене в 1834 году расскажет о первом историческом событии в собственной жизни: «Видел я трех царей; первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку...» Имеется в виду Павел I. Вскоре после рождения сына Пушкины ненадолго перебрались в Петербург, где поселились в Соляном переулке. Няня Ульяна вела барчука на прогулку, и они случайно столкнулись с едущим верхом императором. Приключилось это незадолго до цареубийства, о котором Пушкин в 1817 году выскажется в оде «Вольность». Осудит и «увенчанного злодея», и заговорщиков, его задушивших.

До нас дойдут лишь небольшие наброски пушкинских автобиографических записок. Начатые им в 1821 году воспоминания будут сожжены в 1825 году после разгрома «несчастливого заговора», то есть декабристского восстания. В 1834 году он наметит краткий план новой автобиографии, который останется неосуществленным. Его лаконично обозначенные пункты да несколько страниц воспоминаний сестры Ольги, записанных с ее слов в 1851 году мужем Николаем Ивановичем Павлищевым, — вот, собственно, все источники, по которым мы можем узнать что-то достоверное о первых двенадцати годах жизни Пушкина.

II

Гораздо богаче информация о его происхождении. Такой замысловатой и парадоксальной родословной не может похвастаться больше ни один русский классик. И Пушкин всегда был равнодушен к своим корням, придавал им символическое значение, рассказывал о своих предках и стихами, и прозой. «Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории», — с гордостью отмечает он в своих записках.

Пушкин считал, что его род, как и некоторые другие дворянские фамилии, происходит от прусского выходца Радши (или Рачи), приехавшего в Россию во времена Александра Невского. Историки уточняют: Радша (возможно, он был сербом) появился в Киевской Руси еще в XII веке, а в Новгороде времен Александра Невского известны стали уже его потомки.

«Четверо Пушкиных подписались под грамотою об избрании на царство Романовых», — с гордостью отмечает поэт. Порой его рассказы о предках сопровождаются поэтическими вольностями и неточностями. «С Петром мой пращур не поладил / И был за то повешен им», — сказано в «Моей родословной». На самом деле Федор Матвеевич Пушкин за участие в Стрелецком бунте был обезглавлен, к тому же Александру Пушкину подлинным «пращуром» он не приходился, родство между ними не прямое.

Перечень реальных предков начинается с пушкинского прадеда Александра Петровича, который, как рассказывает поэт, «в припадке сумасшествия зарезал свою жену». Не менее «пылким и жестоким» оказался дед, Лев Александрович. В стихотворении «Моя родословная» поэт разрабатывает версию о том, что его дед во время дворцового переворота 1762 года выступил против Екатерины II, сохранил верность убитому Петру III и был посажен в крепость. Увы, это оказалось легендой: реального майора Льва Пушкина в 1763 году императрица пожаловала в «артиллерии подполковники».

По поводу семейной жизни Льва Пушкина внук писал, что первая его жена «умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе».

Отец поэта отрицал этот весьма сомнительный факт, однако имеются и другие свидетельства жестокости Льва Александровича. Натерпелась от него и вторая жена, бабка Александра Пушкина (Ольга Васильевна успела окрестить внука и вскоре умерла). Ревнивость как семейная черта не случайно акцентируется Пушкиным в этих записках, относящихся к осени 1834 года.

Следующее поколение Пушкиных — это дети Льва Александровича и Ольги Васильевны, два сына и две дочери. Старший сын, Василий Львович, рано выйдет в отставку в чине гвардии поручика и станет известным литератором. Сергей Львович, будущий отец поэта, к 1798 году дослужится до майора.

III

Родословная матери, по словам Пушкина, еще любопытнее. Ее дед — Ибрагим (Абрам) Ганнибал, эфиоп по происхождению, княжеского рода. В качестве пленника он в младенчестве оказался в Константинополе. Русский посол, выкупив его вместе с другими арапчатами, отправил к Петру I. Мальчик был крещен, а после смерти Петра избрал себе фамилию Ганнибал. Стал военным инженером, достиг звания генерал-аншефа. Его судьба — отдельная глава российской истории.

«В семейственной жизни прадед мой Ганибал (одно «н» в оригинале. — *В. Н.*) так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин», — рассказывает поэт, подчеркивая тем самым, что сложная личная жизнь завещана ему как по русской, так и по африканской линии. Первая жена Абрама Ганнибала сошлась с подчиненным, родила белую дочь. Подверглась жестоким истязаниям мужа и в конце концов оказалась в монастыре. Вторая жена — Христина Шеберг — «родила ему множество черных детей обоего пола».

Один из четырех сыновей, Осип Абрамович Ганнибал, служил во флоте, был капитаном второго ранга. В отличие от отца грешил супружеской неверностью и даже оказался двоеженцем. Его законная супруга — Мария Алексеевна Пушкина. (Поэт ошибочно считал ее племянницей своего деда Льва Александровича. На самом деле родство более отдаленное: дед Марии Алексеевны Федор Петрович Пушкин — брат пушкинского прадеда Александра Петровича, то есть она не племянница деда, а внучатая племянница прадеда. Так или иначе, два семейных клана — Пушкиных и Ганнибалов — уже пересекались в историческом прошлом.)

Изготовив фальшивое свидетельство о кончине Марии Алексеевны, Осип Абрамович женился в 1779 году на Устинье Толстой. Мария Алексеевна воззвала к императрице, которая восстановила справедливость, аннулировала новый брак и вернула обманутой жене дочь Надежду, будущую мать поэта. Тот же своего беспутного деда, скончавшегося в 1806 году, так и не увидел.

Старший брат Осипа Абрамовича — Иван Абрамович, выдающийся флотоводец, был человеком бессемейным и при этом

достойным. Опекал и невестку, и племянницу, которую вывез в Петербург и благополучно выдал замуж за гвардейского офицера Сергея Львовича Пушкина (приходившегося невесте троюродным дядей).

Сергей Львович и Надежда Осиповна Ганнибал вступили в брак в 1796 году. Через год появилась на свет дочь Ольга, а в 1798 году глава семьи вышел в отставку. Пушкины переехали из Петербурга в Москву.

IV

Было ли детство Пушкина счастливым? Скорее нет, хотя до сих пор этот вопрос обсуждается учеными и литераторами. В конспективном плане пушкинской автобиографии, в нескольких строках о раннем детстве, звучат почти сплошь минорные ноты: «Первые неприятности»; «Мои неприятные воспоминания»; «Нестерпимое состояние».

Пункт «Гувернантки. Ранняя любовь» вызывал разные толкования, но сколько-либо достоверных фактов не обнаружено. Запись «Рождение Льва» связана с 1805 годом, а «Смерть Николая» — с летом 1807 года, когда шестилетний младший брат умер в Захарове — подмосковном имении бабушки Марии Алексеевны. Из восьми детей Сергея Львовича и Надежды Осиповны зрелого возраста достигли трое: Ольга, Александр и Лев. Вслед за Николаем еще четверо детей с 1809 по 1819 год скончались в младенчестве: Софья, Павел, Михаил и Платон.

«Охота к чтению» — вот очевидный просвет в туманно-тревожном конспекте детства. Пушкину не надо было приходить в литературу — он родился в ней. Книги окружали его с малолетства, книгам он скажет: «Прощайте, друзья» в последние минуты жизни. Уже в девять лет он читает гомеровские «Илиаду» и «Одиссею», «Сравнительные жизнеописания» Плутарха — все во французских переводах. Кабинет отца полон французских книг, в том числе не предназначенных для детского чтения — они также вызывают у сына живейший интерес.

Сергей Львович сам пописывает стихи по-французски, любит декламировать. Старший его брат Василий Львович — настоящий стихотворец, печатается в журналах. Его главное произведение — непристойная поэма «Опасный сосед» — появится в 1811 году (ее сюжет — драка в борделе). В 1816 году он напишет племяннику-лицеисту: «Ты сын Сергея Львовича и брат мне по Аполлону». Тот ответит стихами: «Нет, нет, вы мне совсем не брат, / Вы дядя мой и на Парнасе».

У отца и дяди немало знакомых литераторов, причем перворазрядных: Карамзин, Батюшков, Дмитриев, Жуковский. Ивана Ивановича Дмитриева даже прочат в женихи тетушке Анне Львовне,

но дело как-то не складывается. С именем Дмитриева связан потешный эпизод. Иван Иванович, глядя на курчавого и смуглого Александра, восклицает: «Посмотрите, ведь это настоящий арабчик!» На что мальчик тут же отвечает: «По крайней мере, отличусь тем и не буду рябчик». Все смеются, хотя намек на рябоватость лица солидного гостя не безобиден. Пройдут годы, и литературные отношения Дмитриева и Пушкина нельзя будет назвать безоблачными: скажется почти сорокалетняя разница в возрасте. Дмитриев, верный старине, неприязненно встретит «Руслана и Людмилу», чего Пушкин не забудет — при всей внешней почтительности к литературному патриарху. В 1826 году Пушкин с Николаем Языковым сочинят цикл ехидных пародий на дмитриевские «Апологи в четверостишиях».

Родители Пушкина — люди непрактичные, небрежные в хозяйственных делах. Дом свой надлежащим образом вести не умеют, но при этом любят светское общение. Безупречному владению французским языком придают первостепенное значение. Первый воспитатель Ольги и Александра — эмигрант из Франции граф Монфор, затем его сменяет Руссло. Немецкому языку Пушкин пытался учиться у дамы по фамилии Лорж, но не очень продвинулся. Как и в английском, который преподавала мисс Белли, гувернантка Ольги.

Важной частью образования почитаются танцы. Ольгу и Александра возят «на уроки танцевания» в дом Трубецких на Покровке (дом в Москве называют «комодом», а владельцев — «Трубецкими-Комод»), а по четвергам — на детские балы к знаменитому танцмейстеру Петру Андреевичу Иогелю. У Иогеля взрослый Пушкин потом найдет себе невесту.

Приличные манеры прививаются порой жестокими способами. Заметив у Александра привычку тереть ладони одна о другую, Надежда Осиповна связывает ему руки. Мальчик то и дело теряет платок — так этот платок пришивают к одежде, и ему приходится ходить в столь позорном виде. Временный результат достигается, но с этикетом, светскими ритуалами и стилем одежды у Пушкина будут проблемы всю жизнь.

Альтернатива домашней галломании — бабушка Мария Алексеевна, обучающая Ольгу и Александра русской грамоте. В ее имении Захарово с 1805 года Александр проводит лето. Бывшая крепостная бабушки, получившая от нее вольную, — Арина

Родионовна, осталась в доме Пушкиных в качестве няни. Пушкин к ней привязан, а со временем народные песни, сказки, присловья, услышанные от няни, найдут применение в его творчестве. Среди домашних учителей русского языка сестра поэта вспомнит некоего Шиллера и священника Александра Ивановича Беликова, преподававшего также Закон Божий и арифметику.

Сочинять Пушкин начинает по-французски. Придумывает небольшие пьесы, разыгрывает их перед сестрой Ольгой. Не обижается, когда та осмеивает комедию брата «Похититель». Тут же слагает самокритичную эпиграмму, которая в переводе на русский звучит так: «Скажи мне, почему “Похититель” / Освистан партером? / Увы, потому, что бедный автор / похитил его у Мольера». Кстати, «Похититель» так и останется единственным опытом автора в жанре комедии. При всей универсальности Пушкина, при всём обилии комизма в его поэмах, в его прозе и в знаменитом романе в стихах, — до комедии как таковой руки у него не дойдут.

Другой литературный учитель юного Пушкина — Вольтер. Следуя его примеру, он слагает целую поэму о карликах и карлицах. На беду гувернантка изымает тетрадку со стихами и передает Шеделю, учителю французского, сменившему Руссло. Тот, едва начав читать, раздражается смехом. Автор в слезах предает свое сочинение огню.

Разное детство бывает у писателей. Одни дорожат им, на его основе разворачивают свою художественную вселенную. «Счастливая, счастливая невозвратимая пора детства!» — воскликнет Лев Толстой. Другие всю жизнь наверстывают упущенное в ранние годы. «В детстве у меня не было детства», — решительно отрежет Чехов.

У Пушкина — случай особенный. Он отдаст дань условно-поэтическому воспеванию малолетства. «Прелестный возраст миновался...» — читаем в «Послании к Юдину» (1815), а в ранней редакции стихотворения «К Дельвигу» (1817) находим строки:

С какою тихою красою
Минуты детства протекли...

С годами этот мотив уйдет, однако на свою противоположность, на отрицание или осуждение детства не переменится. О своей жизни

до 1811 года Пушкин предпочтет молчать. Возможно, ему не захочется вспоминать о том, что уязвляло его самолюбие. В 1835 году, размышляя о мемуарах Байрона, он отметит: «Достойно замечания и то, что Байрон никогда не упоминал о домашних обстоятельствах своего детства, находя их унижительными». А с Байроном поэт себя сравнивал по многим причинам.

Из детства Пушкин выносит не сладостные воспоминания, но и не чувство тоски. Он выходит из ранней своей поры с грузом противоречий, которые будет разрешать всю оставшуюся жизнь. В этом — источник развития, непрерывность поисков того, что он назовет потом «самостоянием человека».

В начале 1811 года Сергей Львович и Надежда Осиповна едут в Петербург с намерением определить сына на учебу. Сначала речь идет о пансионе иезуитов, но Александр Иванович Тургенев, директор Департамента духовных дел, толкует об ином: «Лицей».

Слово греческое, так называлась роща возле храма Аполлона Ликейского в Афинах, где учительствовал философ Аристотель. В дальнейшем лицеями будут именовать средние учебные заведения, но сейчас это высшая школа для дворянских детей, которые станут государственными чиновниками. По статусу приравнивается к университету.

Поначалу планируется, что учиться там будут и великие князья — младшие братья императора. Потом от этого намерения откажутся, но Лицей тем не менее разместится в Царском Селе под Петербургом, в пристройке к дворцу.

Лицей будет либеральным. Прежде всего потому, что там нет телесных наказаний. Образование задумано широкое: Закон Божий, литература, история, право, языки: французский, немецкий, латинский. И математика тоже. Установка — на общее развитие, не на прикладные знания. Содержание лицеистов — на казенный счет.

Сергей Львович пишет прошение на имя министра народного просвещения Разумовского. А в июле Александра везет в Петербург дядя Василий Львович, сопровождаемый своей гражданской женой Анной Николаевной. Живут они в гостинице, потом в частной квартире на Мойке близ Конюшенного моста. Совсем рядом с тем домом, где Пушкин с семьей поселится четверть века спустя. В гости к дяде заглядывают Иван Дмитриев, Дмитрий Дашков, Дмитрий Блудов (оба — будущие основатели общества «Арзамас», куда вступят дядя и племянник Пушкины).

Александр проходит медицинский осмотр, сдает экзамены. Их, кстати, выдерживают не все претенденты. В списке прошедших отбор под номером 14 значится «Александр Сергеевич Пушкин. Ветрен и легкомыслен, искусен во французском языке и рисовании, в арифметике ленится и отстаёт».

Двадцать второго сентября Александр I утверждает список лицеистов общим числом 30 человек.

Они съезжаются. Облачаются в форменные сюртуки, получают сапоги, ботфорты, шляпы-треуголки (со временем они сменяются фуражками). Иные довольны, поскольку дома приличной одежды не имели. Директор Лицея — добродушный Василий Федорович Малиновский репетирует в зале будущий церемониал торжественного открытия.

Наступает четверг, 19 октября 1811 года. В Екатерининском дворце — торжественное открытие Лицея. Акция проходит на высшем уровне. Император с семьей. Первые лица государства: тут и либеральный Сперанский, и свирепый Аракчеев. После освящения Лицея начинается торжественный акт. Директор Малиновский свою тщательно подготовленную (не сам писал) речь зачитывает тихо и невыразительно. Зато отличается 28-летний Александр Куницын, профессор нравственных и политических наук. Говорит об обязанностях гражданина — не по бумажке, темпераментно и от души. Ни разу не упоминает его величества. Царь не обидится, а наоборот: орден потом пожалует оратору.

Каждого из воспитанников вызывают по списку и удостоивают чести лично поклониться императору. После чего высокие гости отправляются осматривать помещение Лицея. Для них министр Разумовский учиняет роскошное угощение (история сохранила цифру бюджета этого «ВИП-стола» — 11 тысяч рублей). У педагогов — стол скромнее в одной из классных зал. Лицеистов потчуют супом с пирожками.

Завершается день иллюминацией, а лицеисты играют в саду в снежки. Той осенью снег выпал уже на Покров.

Пушкин живет в комнате номер четырнадцать. Рядом, в тринадцатом номере, Иван Пущин, с которым они сдружились еще в Петербурге, до приезда в Царское Село. В конце октября у Пушкина появляется младший брат Михаил, которому суждено прожить совсем недолго (как и родившемуся годом раньше и вскоре умершему Павлу). 21 января 1812 года в Царское Село приедет навестить сына Надежда Осиповна с Ольгой и Львом. Родственники к нему будут наезжать, а сам он надолго останется в Царском Селе.

Его дом теперь — Лицей.

Здесь он свой, но не вполне. Кличка его — Француз. Так оценены полученные в родительском доме свободное владение языком и отменное знание французской словесности.

Пушкину не суждено сделаться здесь лидером, «премьером». Вокруг него не будут роиться товарищи. В декабре 1811 года лицеисты составляют своеобразный рейтинг — список тринадцати наиболее «успешных» из них. Пушкин в перечень избранных не попадает (и тут его номер — четырнадцатый). Судьба права в том, что не балует ранним признанием: настоящие литературные гении не бывают вундеркиндами.

Успехом как стихотворец в Лицее поначалу пользуется Алексей Илличевский — Олёсенька, так его зовут товарищи. Пишет аккуратно, «как надо». Пушкин особенной ревности не испытывает. Ему, как ни странно, важнее отличиться в умении бегать, прыгать через стулья, бросать мячик. Вот если в этом его превзойдут, если кто-то одним ударом положит все кегли — Пушкин может впасть в бешенство.

Литературная самодеятельность цветет в Лицее пышным цветом — несмотря на попытки запрета, предпринятые начальством. Многие пишут стихи, изготавливают рукописные журналы (сам Пушкин за компанию с Дельвигом и Корсаковым издает «Неопытное перо»).

Иван Иванович Мартынов, директор Департамента народного просвещения, занимаясь с лицеистами русской и латинской словесностью, поощряет их к сочинительству. Профессор Кошанский как-то после лекции предлагает слушателям описать стихами розу — и Пушкин тут же выдает два четверостишия, которые всем нравятся.

Стихосложение постепенно становится его страстью, а учение не особенно захватывает. В сводной «табели» об успехах, прилежании и даровании тридцати лицеистов с 23 октября 1811 года по 19 марта 1812-го, где на первых шести местах Вольховский, Горчаков, Илличевский, Пущин, Есаков и Малиновский, у Пушкина скромное семнадцатое место. А в ноябре он опустится на двадцать третье.

Преподавателю математики Карцову на вопрос: «Чему равняется икс?» — Пушкин с улыбкой отвечает: «Нулю». Тот в конце концов машет на ученика рукой. Никто из профессоров не дает об этом

лицеисте одобрительных отзывов. Отмечают «понятливость», «остроумие», «вкус», но все как один корят за недостаток прилежания и трудолюбия. Даже Куницын, лекции которого Пушкин слушает с интересом, полагает: «Он способен только к таким предметам, которые требуют малого напряжения...»

Странно, конечно. Много лет спустя Пушкин сам не раз выскажется о трудолюбии как необходимом условии творчества. Про своего героя Онегина он с легкой иронией напишет: «Хотел писать, но труд упорный / Ему был тошен. Ничего / Не вышло из пера его...» Тружеником Пушкин станет, да еще каким! Но начинается искусство все-таки, наверное, не с прилежания, а с большой страсти.

По сердечному влечению складываются у юного Пушкина и дружеские связи. Иван Малиновский, директорский сын, отличается драчливостью и носит кличку Казак. Иван Пущин тоже не лишен резвости, однако в целом рассудителен и серьезен. Не пишет стихов, что редкость. А барон Антон Дельвиг, напротив, натура сугубо поэтическая и притом томно-ленив. Вот такие непохожие друг на друга отроки становятся короткими приятелями Пушкина. Он и в дальнейшем будет сближаться с людьми самыми разными, вбирать в себя их психологическое своеобразие и житейский опыт.

VI

В ночь с 11 на 12 июня 1812 года французские войска переходят через Неман и вторгаются в пределы России. 17 июня известие об этом доходит до Петербурга.

Лицейсты уже видели весной русские полки, проходившие через Царское Село в сторону западных границ. Теперь слово «война» входит в их детское сознание. Для начала они затевают игру в войну, назначив Илличевского генералом. А по воскресеньям в Лицей привозят официальные реляции, которые Кошанский оглашает в зале. Лицейсты обсуждают происходящее с профессорами, усердно читают в библиотеке русские и иностранные журналы.

Гувернер Иконников сочиняет пьесу на военную тему — «Роза без шипов». Лицейсты играют ополченцев. Министр Разумовский этим недоволен и выговаривает директору Малиновскому. Между тем шесть дружин настоящих ополченцев проходят через Царское Село. Становится известно, что Москва оставлена русскими войсками (семья Пушкиных уже выехала заблаговременно в Нижегородскую губернию). Проводив ополченцев, а также гродненских гусар и улан Польского полка, лицейсты в негодовании бросают под столы французские учебники.

Обсуждается вопрос об эвакуации в город Або (ныне финский Турку). Но до этого дело не доходит. После Бородинского сражения Москва освобождена от французов. В воскресенье, 20 октября, Лицей впервые празднует годовщину основания. «Товарищеская семья», как назовет ее потом Пущин, сложилась.

VII

И скрепляют эту семью дух вольнолюбия, развитое чувство собственного достоинства. Сильно донимает юношей инспектор Мартын Пилецкий — надзиратель «по учебной и нравственной части». То и дело неуважительно говорит о родителях лицеистов. Склонен собирать на учащихся, говоря современным словом, компромат. Делает записи типа: «Во время обеда г. Пушкин начал громко и насмешливо говорить, что Вольховский меня боится оттого, чтобы не потерять доброго своего имени, а мы, говорит, шалуны, его увещаниям смеемся».

Младший брат Пилецкого, Илья, служит гувернером. Однажды он отнимает у Дельвига «бранное на г. инспектора сочинение». Пушкин вспышивает: «Как вы смеете брать наши бумаги — стало быть, и письма наши из ящика будете брать».

Однажды, в марте 1813 года, лицеисты, собравшись в зале, требуют от Пилецкого, чтобы он покинул Лицей. Иначе они сами подадут прошения об уходе. Мелкий тиран вынужден сдаться. Много лет спустя, составляя план автобиографии, Пушкин отметит как важное событие: «Мы прогоняем Пилецк<ого>».

Пушкину 14 лет. Летом вместе с другими лицеистами он оказывается в крепостном театре графа Варфоломея Васильевича Толстого. На сцене — актриса Наталья. Талантом особенным она не блещет, но женской красотой прельщает Пушкина. По всей видимости, именно ей присвоит потом он почетное имя «Наталья I» в своем полушутливом «Донжуанском списке». А написанное тем летом стихотворение «К Наталье» останется самым ранним из известных произведений поэта.

Это, конечно, легкая литературная игра. Автор становится в позу некоего женоненавистника, который смеялся над прекрасным полом, а теперь «сам попался»:

Так, Наталья! признаюсь,
Я тобою полонен,
В первый раз еще, стыжуся,

В женски прелести влюблен.

В конце стихотворения автор именует себя монахом. На том же творческом импульсе принимается он за поэму «Монах», подражая Вольтеру как автору скабрезной «Орлеанской девственницы». По написании трех песен чопорный Горчаков советует Пушкину прекратить рискованное сочинительство. Поэма сохранится в горчаковском архиве, где исследователи ее найдут только в 1928 году.

Вот и определились две главные пушкинские страсти, две линии его судьбы. Любовь к женщине и любовь к творению. Женская красота и красота поэтического слова — это концентрация жизненности. А Пушкин станет прежде всего поэтом жизни как таковой.

Пока же он пробует жизнь на вкус, играет в любовь и ищет слова для ее воспевания.

VIII

Двадцать третьего марта 1814 года умирает директор Лицея Василий Федорович Малиновский. Для Пушкина это сердечная потеря. После похорон в Петербурге Иван Малиновский и Пушкин дают друг другу клятву в верной дружбе. В Лицее два года будет длиться «междущарствие», а потом явится новый директор — Егор Антонович Энгельгардт.

С апреля при Лицее открыт Благородный пансион, куда поступает брат Александра Лев. Главное же событие этого года — пушкинский литературный дебют. Послание «К другу стихотворцу» обращено, по видимости, к чудаковатому долговязому Вильгельму Кюхельбекеру («Кюхле»), над которым подшучивают товарищи, да и сам Пушкин не прочь ужалить его эпиграммой. Речь в стихотворении идет о тяжелой участи поэта. Замысел, естественно, почерпнут из книжных источников.

Пушкин шлет стихи без подписи в журнал «Вестник Европы». Издание престижное, основанное в 1802 году Карамзиным. Там публикуются практически все поэты первого ряда. Дельвиг отправляет туда же свою оду «На взятие Парижа» — ее ввиду злободневной темы публикуют первой. Редактор Владимир Измайлов (имя первого пушкинского публикатора достойно нашей памяти) справляется об имени автора, а поскольку лицеистам печататься не позволено, то «К другу стихотворцу» помещается в тринадцатом номере, 3 июля, с шифрованной подписью «Александр Н. к. ш. п.» (то есть согласные буквы фамилии в обратном порядке). Начало тернистому пути положено.

Осенью того же года Пушкин с ближайшими друзьями попадает в прескверную историю. Он, Малиновский и Пущин в так называемый «табельный день» (именины императрицы и отсутствие занятий) готовят «гогель-могель» из рома, яиц и сахара. Угощают товарищей. Забава оборачивается скандалом. Доходит аж до министра. Дядька Фома, купивший ром, сразу уволен, а юные эпикурейцы через месяц с лишним приговорены к двухнедельному стоянию на коленях за утренней и вечерней молитвой и к сидению на последних местах

за столом. Память Пущина сохранила пушкинский экспромт, сочиненный «на мотив» одного стихотворения Дениса Давыдова — как бы от имени Малиновского:

Мы недавно от печали,
Пущин, Пушкин, я, барон,
По бокалу осушали
И Фому прогнали вон.

«Блажен муж иже сидит к каше ближе», — острит Пушкин, сидя на «штрафном» месте за столом, а в «Вестнике Европы» примерно в эти же дни опубликовано уже пятое его стихотворение — «Блаженство». Подпись под ним: «1... 14—16». Буквы заменены цифрами, соответствующими их местам в алфавите, то есть «А... Н-П». «А» — Александр. «Н-П» — перевернутое «Пушкин». Недолго осталось ждать того момента, когда имя юного поэта будет рассекречено.

Его уже признают отец и дядя. «Посмотрите, что будет из Александра», — говорит Василий Львович знакомым.

30.

Воспоминанія въ Царскомъ-Селѣ

Налетъ морозъ горючей нощи^{всѣ}
Нѣ долготъ зимы, нѣ морозъ,
Въ извѣстномъ мѣстѣ, нѣ морозъ,
Въ извѣстномъ мѣстѣ, нѣ морозъ,
Нѣ морозъ, нѣ морозъ, нѣ морозъ,
Нѣ морозъ, нѣ морозъ, нѣ морозъ,
Нѣ морозъ, нѣ морозъ, нѣ морозъ,
Нѣ морозъ, нѣ морозъ, нѣ морозъ.

Нѣ морозъ, нѣ морозъ, нѣ морозъ,
Нѣ морозъ, нѣ морозъ, нѣ морозъ,
Нѣ морозъ, нѣ морозъ, нѣ морозъ,
Нѣ морозъ, нѣ морозъ, нѣ морозъ,
Нѣ морозъ, нѣ морозъ, нѣ морозъ,
Нѣ морозъ, нѣ морозъ, нѣ морозъ,
Нѣ морозъ, нѣ морозъ, нѣ морозъ,
Нѣ морозъ, нѣ морозъ, нѣ морозъ.

Въ зимѣ, нѣ морозъ, нѣ морозъ,
Въ зимѣ, нѣ морозъ, нѣ морозъ,
Нѣ морозъ, нѣ морозъ, нѣ морозъ,
Нѣ морозъ, нѣ морозъ, нѣ морозъ,
Нѣ морозъ, нѣ морозъ, нѣ морозъ,
Нѣ морозъ, нѣ морозъ, нѣ морозъ,
Нѣ морозъ, нѣ морозъ, нѣ морозъ,
Нѣ морозъ, нѣ морозъ, нѣ морозъ.

IX

Александр Иванович Галич, молодой профессор, получивший образование в Германии, с мая 1814 года заменяет заболевшего Кошанского. Живет в Петербурге, приезжает в Лицей на лекции. На дружеской ноге с воспитанниками, не прочь с ними вместе повеселиться.

Он советует Пушкину написать для предстоящего переводного экзамена «Воспоминание в Царском Селе». Сказано — сделано. В ноябре готово вдохновенное повествование о российской истории. Начинается оно с царскосельского пейзажа, с живой эмоциональной ноты:

И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в серебристых облаках.

Восьмое января 1815 года может считаться днем рождения пушкинской славы. Пушкин читает свое стихотворение на экзамене в присутствии приглашенного на торжественный акт патриарха российской поэзии Гаврилы Романовича Державина, который упомянут юным поэтом в строках:

Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громкозвучных лир.

Этот момент будет потом описан Пушкиным дважды. Один раз — поэтически, в восьмой главе «Евгения Онегина», где повествуется об отношениях автора с его музой:

И свет ее с улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Гаврила Романович уйдет из жизни ровно через полтора года после сего события. Пушкинские строки станут легендарными, и выражение «старик Державин» будет в русском языке означать авторитетного литературного наставника, оказывающего поддержку дебютанту.

Второе описание — в уцелевшем фрагменте сожженных воспоминаний. В последние годы жизни Пушкин переписал его и вложил в свой рукописный сборник с английским названием «Table-Talk»:

«Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дожидаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую “Водопад”. Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: “Где, братец, здесь нужник?” Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу».

Державинский вопрос о нужнике также войдет в число популярных у интеллигенции цитат. Его будут вспоминать с целью «сбить пафос». Прочтем, однако, что идет далее:

«Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы; портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблестали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостью необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои “Воспоминания в Царском Селе”, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, когда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел обнять... Меня искали, но не нашли...»

Семнадцатого апреля 1815 года «Воспоминание в Царском Селе» публикуют в журнале «Российский музеум» за полной подписью Александра Пушкина.

1816 год ознаменован чередой личных знакомств Пушкина с ведущими русскими поэтами. В феврале, когда он лежит больной

в лазарете, его навещает Константин Батюшков. В марте, в день Благовещения, среди множества посетителей Лицея — Карамзин и Вяземский. Оба видели Александра ребенком в родительском доме, а теперь общаются с ним как с поэтом.

В мае или июне происходит встреча с Василием Андреевичем Жуковским, который станет для Пушкина и учителем, и другом, и защитником на все оставшиеся 20 лет с половиной.

А вдохновительницей любовной лирики становится в это время двадцатилетняя Екатерина Бакунина, сестра лицейского товарища, будущая фрейлина. Ею увлечены также Пущин и Малиновский. О каких-либо реальных отношениях, естественно, и речи нет. Но стихи появляются, поэтическое мастерство набирает силу.

Возникают и первые авторские трудности. Весной 1816 года Пушкин отправляет в «Вестник Европы», где он удачно дебютировал, три стихотворения, в том числе «Гроб Анакреона». Но в журнал вернулся после болезни прежний главный редактор — Михаил Каченовский. Он не печатает ничего из предложенного. Пушкин ему этого не простит. Каченовский станет постоянной мишенью его эпиграмм, на редкость беспощадных и язвительных. «Клеветник без дарованья» — не самое резкое из выражений по адресу редактора «Вестника Европы». В 1825 году Пушкин в саркастической форме возложит на него ответственность за состояние всей отечественной литературной периодики:

Словесность русская больна.
Лежит в истерике она
И бредит языком мечтаний,
И хладный между тем зоил
Ей Каченовский застудил
Течение месячных изданий.

Егор Антонович Энгельгардт, в марте 1816 года пришедший в Лицей директором, неплохо справляется со своими обязанностями. Он расположил к себе большую часть лицеистов. Между прочим, сдал в архив документы о пресловутой истории с «гогелем-могелем», чтобы эпизод не отразился на судьбе фигурантов этого дела.

Но с Пушкиным у него отношения не заладились. В личных записях, сделанных по-немецки, директор так аттестует юного поэта: «Его сердце холодно и пусто; в нем нет ни любви, ни религии; может быть, оно так пусто, как никогда еще не бывало юношеское сердце».

Откуда такая запальчивая категоричность? Холодность сердца — это совсем не про Пушкина. Чем-то этот юноша раздражает людей рационального склада, и они приписывают ему бесстрастность. И еще одно симптоматичное обвинение: «Он основывает всё на поэзии и с любовью занимается всем, что с этим непосредственно связано». Через 100 лет, во времена Серебряного века, страстная преданность поэзии как таковой не будет считаться грехом. Да и в наши дни тоже. Это потому что Пушкин отстоял престиж поэзии, право человека быть поэтом — и только. Не для себя — для следующих поколений.

Энгельгардт, впрочем, защищает Пушкина, когда тот попадает в неприятную историю. Пушкин увлечен Наташей — горничной фрейлины Волконской. Застав красавицу в темном дворцовом коридоре, бросается ее целовать — а это, оказывается, сама немолодая княжна Волконская. Скандал. Дело доходит до государя — и тут за лицеиста вступается директор.

Царь благодушно спускает дело на тормозах, говоря с улыбкой: «Между нами, старушка, быть может, в восторге от ошибки молодого человека».

В одном из «китайских» домиков Царского Села проводят лето Карамзины.

Николай Михайлович удостаивает Пушкина серьезных бесед, однажды читает ему предисловие к «Истории государства Российского». Пушкин запоминает с точностью до слова и, вернувшись в свою келью, записывает для себя заветный текст.

В доме Карамзиных он знакомится с гусарским корнетом Петром Чаадаевым — храбрецом, участником Бородинской битвы и многих иных сражений. Чаадаев мыслит независимо и парадоксально, отныне Пушкин будет пребывать с ним в постоянном диалоге.

С подачи Карамзина Пушкин получает заказ на придворную оду. Предстоит венчание великой княгини Анны Павловны с принцем Оранским. Пожилой вельможа Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий сам с этой задачей справиться не в состоянии. Приехав в Лицей, он излагает Пушкину тему и через час или два получает вполне приличный текст из восьми строф. С небольшими поправками эти стихи, положенные на музыку, исполняются на балу в Павловске. Императрица Мария Федоровна присылает юному поэту в подарок золотые часы с цепочкой. Он этой наградой, однако, нимало не гордится. Ходили слухи, что эти часы он нарочно разбил о каблук. В черновом тексте одного стихотворения будет сказано: «Простите мне мой страшный грех, поэты, / Я написал придворные куплеты».

В дом Энгельгардта приезжает его родственница француженка Мария Смит. Пушкин начинает за ней ухаживать и сочиняет стихи «К молодой вдове», где позволяет себе в мечтах зайти весьма далеко:

Нет, завистливый ревнивец
Не придет из вечной тьмы.
Тихой ночью гром не грянет,
И разгневанная тень
Близ любовников не станет,
Вызывая спящий день.

Статуя Командора к юному Дон Жуану не является, но отношения его с директором Лицея после таких стихов лучше не становятся.

В канун нового, 1817 года лицеистов впервые отпускают домой на рождественские каникулы. Пушкин проводит их у родителей в Петербурге. Сергей Львович вскоре уходит в отставку в чине пятого класса.

По возвращении в Царское Село Пушкин принимается переписывать все свои стихи в тетрадь. Ему помогают товарищи. Всего в этой лицейской тетради 41 стихотворение (потом тетрадь будет передана Жуковскому, и тот выскажет автору свои замечания; Пушкин и сам внесет в текст немало поправок). Тогда же Александр начинает писать большую поэму со сказочным сюжетом — «Руслан и Людмила».

Всё чаще он бывает у Карамзиных. Николай Михайлович к нему строг, то и дело журит за ветреность. А его 36-летняя супруга Екатерина Андреевна, мудрая и женственная, добра к юному поэту. Он тянется к ней — может быть, потому, что дома недополучил материнской ласки. Эта тяга, однако, переходит границы почтительности, и Александр пишет Екатерине Андреевне любовную записку. Та показывает ее мужу, который делает серьезное внушение незадачливому поклоннику жены. Александр доведен до слез, но всё улаживается, и его дружба с Карамзиными продолжается.

Обретая самостоятельность мышления, Пушкин сможет критически посмотреть на Карамзина как историка. Вскоре он сочинит эпиграмму:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Это не отречение и не измена старшему другу. Это просто еще одна точка зрения. И она в какой-то степени и положила начало литературному соперничеству. Трепетная почтительность по отношению к авторитетам — это не про Пушкина.

За два дня до выпускного акта выходит высочайшее указание: выплачивать окончившим Лицей жалованье до устройства их на вакантные должности.

Тем, кто удостоен девятого класса, то есть титулярным советникам — из расчета 800 рублей в год. Коллежским же секретарям — Пушкину в том числе — 700 рублей в год.

Девятого июня во время торжественной церемонии в Лицее Александр I лично вручает выпускникам медали и похвальные листы и произносит отеческое наставление. Лицейсты хором исполняют «Прощальную песню», написанную Дельвигом. Директор просил сочинить Пушкина, но тот уклонился. Он читает на выпускном акте свое стихотворение «Безверие».

На следующий день Пушкин и шесть его товарищей определяются на службу в Коллегию иностранных дел. 11 июня Александр выезжает из Царского Села в Петербург. Живет вместе с родителями и сестрой в доме на Фонтанке у Калинкина моста (ныне № 185). У него тесная комната окнами во двор — «мой угол тесный и простой», как будет сказано в одном его стихотворном послании («Я ускользнул от Эскулапа...», 1819).

Служебная присяга принесена, но Пушкин не слишком усердствует в коллегии. Уже в начале июля он берет отпуск: надо ехать в Псковскую губернию для приведения в порядок домашних дел. Александр отправляется в село Михайловское — вместе с родителями, сестрой и братом. Семь лет спустя он напишет по этому поводу: «Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч., но всё это нравилось мне недолго. Я любил и доньше люблю шум и толпу...»

Позже в первой главе «Евгения Онегина», однако, он припишет такое настроение герою, а себя представит любителем сельской тишины:

Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля! Я предан вам душой.
Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной...

Есть ли в этом противоречие? Не совсем. Просто Пушкин может быть разным.

Неподалеку от Михайловского находится Петровское, усадьба Петра Абрамовича Ганнибала — одного из сыновей «арапа Петра Великого», дяди Надежды Осиповны. Пушкин навещает Петра Абрамовича, о чем также потом вспомнит в Михайловском в ноябре 1824 года: «...Попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он и мне поднести; я не поморщился — и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого арапа. Через четверть часа он опять попросил водки и повторил это раз 5 или 6 до обеда. Принесли... Кушанья поставили...»

Примерно в это же время Пушкин навещает соседнее село Тригорское и знакомится с семейством Прасковьи Осиповой. Тригорское станет для него почти родным домом, где он найдет ту теплую семейную атмосферу, которой ему не хватало прежде. Да еще и стихию веселья, легкого непринужденного флирта.

Самой Прасковье Александровне 35 лет. Она была замужем за отставным коллежским асессором Николаем Ивановичем Вульфом. Четыре года назад овдовела, оставшись с тремя сыновьями (старшему, Алексею, пока одиннадцать; когда подрастет и поступит в Дерптский университет, станет Пушкину приятелем) и двумя дочерьми. Старшая из них — Анна Вульф, ровесница Пушкина, будет всерьез увлечена соседом-поэтом, в конце концов семейного счастья она так и не обретет. Младшая — Евпраксия, «Зизи» — под этим домашним именем она попадет в пятую главу «Евгения Онегина», ей же будет адресовано бессмертное восьмистишие «Если жизнь тебя обманет...». Она тоже будет увлечена Пушкиным, но без драматических последствий. словно следуя стихотворному пожеланию, в 22-летнем возрасте Евпраксия выйдет замуж и будет именоваться баронессой Вревской.

Прасковья Александровна стала Осиповой, вступив в брак с отставным статским советником, служившим по почтовому ведомству. В ее доме воспитывается падчерица Саша Осипова, а до следующего приезда Пушкина в Михайловское и Тригорское многодетная соседка успеет родить еще двух дочерей — Марию и Екатерину. Обе будут в 1837 году вместе с матерью провожать поэта в последний путь.

В 1824 году Пушкин познакомится с еще одной представительницей осиповского клана, тоже Анной Вульф, по отчеству Ивановной, племянницей Прасковьи Александровны. В стихах и письмах Пушкина она фигурирует как Netty. Без ее упоминания не обойтись, поскольку в знаменитый «Донжуанский список», составленный Пушкиным в 1829 году, войдут целых четыре имени из вышеупомянутых. Это «Евпраксея», две Анны (обе Вульф, одна — Николаевна, другая — Ивановна) и Александра (Осипова, впоследствии Беклешова). Все оставили след в душе поэта, при том что отношения с ними были, конечно, платонические. Это важно подчеркнуть, поскольку в наше время выражение «донжуанский список» порой понимают как перечень мужских сексуальных побед. Этому отдал дань даже Иосиф Бродский, бравировавший тем, что вдвое превзошел пушкинский результат. Однако Пушкин не включал в свой список тех многочисленных «прелестниц», с которыми у него были сугубо телесные контакты.

До отъезда Пушкин успевает еще во время танцев на вечере (в Михайловском или Петровском) проявить внимание к некоей девице Лошаковой и даже поссориться из-за нее со своим дядей Семеном Исааковичем Ганнибалом. Чуть до дуэли дело не доходит.

Семнадцатого августа Пушкин пишет стихотворение «Простите, верные дубравы!...», в конце которого сказано:

Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

В следующий раз он посетит Тригорское через семь лет и ситуация будет совершенно иной.

XII

По возвращении в Петербург Пушкин пылко отдается всем впечатлениям бытия.

Наконец он встречается с товарищами по «Арзамасу» — литературному кружку, возникшему в октябре 1815 года и объединившему писателей-новаторов, споривших со староверами из «Беседы любителей русского слова» во главе с адмиралом Шишковым (тем самым, что предлагал галоши назвать «мокроступами»). «Арзамасское общество безвестных людей» — таково полное название литературной группы, которую основали шесть человек (Сергей Уваров, Дмитрий Блудов, Александр Тургенев, Василий Жуковский, Дмитрий Дашков и Степан Жихарев). В дальнейшем состав «Арзамаса» увеличится до двадцати одного человека.

«Шишковисты» серьезны и солидны. «Карамзинисты», собравшиеся в «Арзамасе», наоборот, веселятся. Шутейные заседания и в конце ужин, на который непременно подается гусь. Каждый вновь вступающий в «Арзамас» проходит шуточный ритуал посвящения (похожий на масонский) и получает кличку по названию или первому слову какой-нибудь баллады Жуковского. Сам Жуковский, секретарь общества, зовется Светланой, Батюшков — Ахиллом, Вяземский — Асмодеем, Александр Тургенев — Эоловой арфой. Дмитрий Дашков именуется «Чу!», а Василий Львович Пушкин получает имя Вот.

Его племянник с самого начала был проникнут «арзамасским» духом. Еще в декабре 1815 года он сочиняет изощренную эпиграмму на триумвират лидеров «Беседы»:

Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

Обществу осталось жить недолго, но Сверчок (такое имя заочно присвоено Пушкину) все-таки успевает соединиться с литературными единомышленниками. Сохранится набросок стихотворной речи, которую он написал в канун единственного заседания, на котором ему довелось присутствовать^[1].

Венец желаниям! Итак, я вижу вас,
О други смелых муз, о дивный Арзамас!

Другая компания собирается в доме Александра и Никиты Всеволожских на Екатерингофском проспекте. Это общество именуется «Зеленая лампа». Зеленый — цвет надежды. «Зеленой книгой», кстати, называется устав Союза благоденствия, в 1818 году созданный будущими декабристами. Среди собирающихся под зеленой лампой — Антон Дельвиг, Федор Глинка, Сергей Трубецкой. Председательствует Яков Толстой, участник войны 1812 года, любитель искусств. Дискуссии обычно завершаются ужином. За столом среди прочих — юный калмык. На отпущенное кем-нибудь «пошлое красное словцо» он неизменно реагирует скептической улыбкой. Решено сделать его своего рода цензором. Услышав грубое слово, он должен подойти к тому, кто его произнес, и сказать: «Здравия желаю!»

Как напишет потом Яков Толстой: «Пушкин ни разу не подвергался калмыцкому обычаю “здравия”. Он говорил: “Калмык меня балует, Азия протезирует Африку”». Сам же Пушкин вскоре обратится к Я. Толстому со стихотворным посланием («Горишь ли ты, лампада наша...»), которое закончит словами:

Налейте мне вина кометы,
Желай мне здравия, калмык!

В деятельности «Зеленой лампы» гармонично совмещаются вольнодумные политические разговоры, чтение стихов, споры о театральных новинках и субботние встречи с «прелестницами».

XIII

Стихия чувственного наслаждения всё более властно захватывает юного Пушкина. Старшие его друзья этим озабочены. В сентябре 1818 года Александр Тургенев пишет Вяземскому в Варшаву: «Пушкин по утрам рассказывает Жуковскому, где он всю ночь не спал; целый день делает визиты б..., мне и княгине Голицыной, а ввечеру играет в банк». В июне 1819 года тот же автор тому же адресату: «Пушкин очень болен. Он простудился, дожидаясь у дверей одной б..., которая не пускала его в дождь к себе, для того чтобы не заразить его своею болезнью».

Иногда нравственные опекуны поэта даже радуются, когда злая горячка сводит его в постель: авось продолжит писание «Руслана и Людмилы». Но летом 1819 года все тревожатся не на шутку. И радуются, когда опасность миновала. «Пушкин спасен музами», — пишет Карамзин Дмитриеву в Москву, а тот за обедом у Василия Львовича празднует с дядей выздоровление племянника.

Пушкин в шуточных посланиях оправдывает свою «леность», отдавая любовным утехам решительное предпочтение перед литературными трудами:

Поэма никогда не стоит
Улыбки сладострастных уст.

Так заканчивается стихотворение «Тургеневу» 1817 года. Частая тема в дружеских посланиях и экспромтах — воспоминание о разгульной жизни. «Заздравный кубок и бордель» воспеваются в послании к улану Федору Юрьеву, товарищу по «Зеленой лампе». Петру Каверину (тому самому, которого Пушкин обессмертит упоминанием в первой главе «Евгения Онегина») адресуется в мае 1819 года стихотворное воспоминание об одном «веселом вечере»:

Мы пили — и Венера с нами
Сидела преля за столом.
Когда ж вновь сядем вчетвером

С б<...>ьми, вином и чубуками?

Ну, это стихи шуточные, а вполне серьезное оправдание эпикурейства звучит в стансах, адресованных Якову Толстому. Пушкину сейчас не по пути с нравственными стойками и аскетами, он за «легкокрылую любовь и легкокрылое похмелье». Молодости созвучна гедонистическая, «наслажденческая» философия:

До капли наслаждение пей,
Живи беспечен, равнодушен!
Мгновенью жизни будь послушен,
Будь молод в юности твоей!

И самое, быть может, главное здесь — абсолютная естественность автора. Разгулу он предается не из подражания, не из амбиции, а по внутреннему побуждению. «Разврат, бывало, хладнокровный, наукой славился любовной», — будет сказано потом в «Евгении Онегине». Пушкину хладнокровие отнюдь не свойственно. Его кровь горяча, и эта страстность располагает к нему женщин:

Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний.

«Потомок негров безобразный», — дерзко аттестует он себя в том же стихотворении, а еще более дерзкая строка — «Любви не ведая страданий».

Есть такая жизненная стихия, как упоение телесной близостью вне любви, чувственное наслаждение без сердечной привязанности (в современном языке этому соответствует выражение «заниматься сексом»), и Пушкин проходит испытание этим соблазном.

Страсть без любви — есть в жизни такая краска, и художнику, рисующему жизнь, собственный опыт может пригодиться. А подлинными любовными страданиями Пушкин обделен не будет.

XIV

И политическое вольнодумство для Пушкина — тоже страсть.

Он часто бывает у братьев Александра и Николая Тургеневых в их доме на набережной Фонтанки. Друзья Николая — завзятые либералы, ведут смелые разговоры.

Из окна — вид на пустующий Михайловский замок, где император Павел был задушен заговорщиками. И вот кто-то предлагает Пушкину сложить стихи на эту тему. Поэт удаляется в комнату Николая, и вскоре ода наполовину готова. А наутро он приносит хозяину полный текст. Ода, названная по примеру Радищева «Вольность», будет распространяться в рукописных копиях (этот способ в XX веке назовут «самиздатом») и принесет автору опасную известность^[2]. А напечатает ее в 1856 году Герцен в альманахе «Полярная звезда» — в Лондоне (то есть, говоря языком позднейшего времени, в «тамиздате»).

Вольность

1848.

Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!

Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!

Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!
 Охота, охота! охота!

«Вольность», в цензурном отношении «непроходимая», все-таки прямых революционных призывов не содержит. Идеал здесь — сочетание Свободы и Закона, которому должны подчиняться и народы, и цари. Более решительно звучит написанное в 1818 году послание «К Чадаеву» («К Чаадаеву») с дерзким финалом:

...Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

В том же 1818 году Пушкин откликается на возвращение Александра I из европейской поездки крамольным «ноэлем» («Noël» — «рождественская песенка»), где уже первые строки — явная крамола:

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот...

«Деспот» (с ударением на втором слоге) — явный вызов. А все конституционные обещания царя названы «сказками».

Тем не менее в 1819 году пишется «Деревня», где на императора возлагается надежда как на возможного освободителя крестьян:

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И Рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством Свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная Заря?

Александр I эти стихи доставляет князь Васильчиков, у которого Чаадаев служит адъютантом. Прочитав, царь говорит: «Поблагодарите Пушкина за благородные чувства, вдохновляющие его стихи» (по другой версии: «за добрые чувства, которые пробуждают его стихи»).

Какой-либо стройной политической программы у Пушкина пока нет. Зато — темперамент. После Лицея до 1820 года он почти не пишет любовных стихов — кроме разве что двух лирических миниатюр,

адресованных условной Дориде и не имеющих ничего общего с реальными утехами автора.

А гражданские эмоции поэта так же искренни и неподдельны, как и его эротические приключения. Это чувствуют его друзья и даже шутят на сей счет, приравнивая политические «грехи» к амурным.

Александр Тургенев пишет Вяземскому в августе 1819 года, что не надо судить Пушкина «за его “Оду на свободу” и за две болезни не русского имени».

Страстность и непредсказуемость пушкинской натуры особенно отчетливо выражаются в его склонности к сочинению эпиграмм и к дуэлям («У г. Пушкина всякий день дуэли; слава Богу, не смертоносные, так как противники остаются невредимы», — пишет в марте 1820 года Е. А. Карамзина Вяземскому).

Это не случайно: удачная эпиграмма поражает соперника как выстрел. А иногда и служит поводом к поединку.

Как-то Жуковский объяснял друзьям, почему его не было на одном званом вечере. Что-то про расстройство желудка, про слугу Якова и про неожиданный приход Кюхельбекера. В общем, сущие пустяки. А у Пушкина всё это соединилось в четверостишие:

За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно —
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно.

Услышав эту дружескую шутку, Кюхельбекер вызывает Пушкина на дуэль. Стреляет первым и промахивается. Пушкин от выстрела отказывается, дело заканчивается примирением.

Иное дело — с эпиграммами на «больших людей». На острый язык Пушкину попадает, например, граф Аракчеев с его девизом на гербе «Без лести предан» и свирепой фавориткой Настасьей Минкиной — особой с сомнительным прошлым (в 1825 году будет убита крестьянами графа):

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? *Преданный без лести*

Б<...>и грошевой солдат.

За такое на дуэль не вызовут, но управа на остроумца найдется.

В ноябре Пушкин в компании друзей наведывается к петербургской гадалке — немке по фамилии Кирхгоф. Она предсказывает ему перемену службы, два изгнания и смерть «от белого человека». Поэту не чужда склонность к приметам и суевериям, и пророчество это ему запомнится.

Его влечет опасность. Услышав о революции в Испании, он мечтает об участии в рискованных делах:

Мне бой знаком — люблю я звук мечей;
От первых дней поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы
И смерти мысль мила душе моей.

Забавы уже не ограничиваются дуэльными вызовами. Пушкин коротко сходится с поручиком лейб-гвардейского полка Павлом Нащокиным и его друзьями. В загородном ресторане «Красный кабачок» они затевают драку с немцами, о которой много лет спустя Пушкин не без гордости вспомнит в письме жене.

Тот же азарт ведет Пушкина на собрания членов Союза благоденствия. Они собираются у Ильи Долгорукова — «у осторожного Ильи», как потом будет рассказано в десятой главе «Онегина».

Пушкин читает свои «ноэли» (кроме одного, они не сохранились), имеет неизменный успех. Для него важны не столько идейные связи, сколько человеческие. По душе ему приходится Михаил Лунин — «друг Марса, Вакха и Венеры» (то есть человек отважный и не чуждый питейно-любовных утех). Когда Лунин надолго уезжает из Петербурга, Пушкин берет себе на память прядь его волос.

Меж тем двадцатилетний поэт уже подумывает об издании сборника стихотворений. Собирает лицейские и послелицейские вещи вместе, отдает переписчику. Тетрадь готова. Книгу можно издать по подписке. Печатаются билеты для подписчиков, штук тридцать-сорок Пушкин раздает знакомым.

Но тут он проигрывает Никите Всеволожскому в карты крупную сумму. И отдает тетрадь со стихами отчасти в погашение долга, отчасти как товар, подлежащий изданию и реализации. «Полу-продал, полу-проиграл» — так потом назовет Пушкин эту сделку. Партнер, однако, с изданием не поспешит, и рукописи (пушкинисты станут называть ее «тетрадь Всеволожского») предстоят еще долгие приключения.

А в ночь на 26 марта закончена шестая песнь поэмы «Руслан и Людмила». Автор читает ее Жуковскому, после чего тот дарит ему свой портрет (рисунок Е. Эстерейха) с исторической надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму Руслан и Людмила. 1820 марта 26 великая пятница».

Учителю 37 лет, ученику скоро исполнится 21.

Комплиментарная надпись не исключает претензий, которые у Жуковского к этой поэме еще будут. Но передача творческой эстафеты состоялась. И этот факт не менее значим, чем ставшее поговоркой «старик Державин нас заметил».

Через четыре с лишним года, по прочтении первой главы «Онегина», Жуковский в письме Пушкину подтвердит свою высокую аттестацию: «По данному мне полномочию предлагаю тебе первое место на русском Парнасе». При этом он, правда, призовет младшего друга с «высокостью гения» соединить «высокость цели», но высший оценочный балл останется неоспоримым.

В середине апреля 1820 года «Руслан и Людмила» пускается в плавание по журнальным страницам. В «Сыне отечества» публикуется отрывок из третьей песни поэмы, в «Невском зрителе» — ее краткое изложение и фрагмент первой песни. О поэме говорят, ее упоминают в письмах. «Как только смогу, я Вам пришлю экземпляр.

Вы будете иметь удовольствие заставлять эхо Швейцарии повторять звуки Вашей родины», — пишет из России одна дама своей приятельнице, матери дипломата.

Петр Каверин переписывает в свою тетрадь пародийные (точнее сказать, «пародические») стихи неизвестного автора:

Не за Людмилою Руслан
С душою едет беспокойной;
Нет, ночью с бала по Мильонной
Гвардейский едет капитан...

Такое шутливое переименование — верный признак успеха литературной новинки, ее вхождения в «классику».

«По литературе» Пушкин — отличник. Но не по поведению. Его неопубликованными стихами уже интересуются «наверху», а он подливает масла в огонь демонстративными жестами. В апреле 1820 года из Парижа приходит известие об убийстве герцога Беррийского (сына наследника французского престола) пролетарием Лувелем. Убийца казнен. Пушкин является в театр с литографированным портретом Лувеля, написав на нем: «Урок царям». Ходит меж рядами, демонстрируя свою прокламацию.

XVII

Рок отвечает на вызовы, брошенные ему Пушкиным.

В начале апреля министр внутренних дел Виктор Павлович Кочубей получает письмо от Василия Назаровича Каразина (человека очень путаного, просветителя и мракобеса одновременно; за критику существующего общественного строя он вскоре угодит в Шлиссельбургскую крепость, а после освобождения будет выслан из столицы). В нем говорится, что государь воспитывает недоброжелателей себе и отечеству «в самом лицее Царскосельском». Имя Пушкина здесь на первом плане как нарицательный символ вольнодумства: «...Из воспитанников более или менее есть почти всякий Пушкин». Это будет иметь самые серьезные последствия. А между делом автор письма упоминает сплетню, которая долго будет преследовать самого знаменитого из лицеистов: «Говорят, что один из них, Пушкин, по высочайшему повелению секретно наказан». Молва о том, что Пушкина высекли в тайной полиции, доставит немало мук его самолюбию.

Кочубей докладывает о доносе Каразина Александру I. Того задевают эпиграммы. «Холоп венчанного солдата...» То ли за «холопа» Аракчеева царь обижен, то ли за то, что сам он разжалован стихотворцем в «солдаты».

Петербургский генерал-губернатор граф Милорадович приказывает своим подчиненным добыть злополучные тексты: оду «Вольность», эпиграммы, «песни». В дом Пушкина в его отсутствие наведывается сыщик, пытается подкупить слугу Никиту 50 рублями, чтобы тот дал почитать сочинения барина. Верный слуга отказывается, а барин по возвращении сжигает рукописи.

Уже на следующий день Пушкина вызывают к генерал-губернатору. По дороге к Невскому проспекту он проходит Театральную площадь, где живет поэт Федор Глинка, с которым они дружны по «Зеленой лампе» и не только. Глинка служит адъютантом у Милорадовича.

Встретились.

— Я к вам! — говорит ему Пушкин.

— А я от себя! — отвечает Глинка.

Пушкин излагает свою историю. С Милорадовичем он знаком только «по публике», но не лично. Как быть?

— Положитесь безусловно на благородство его души, — советует Глинка.

Так Пушкин и поступает. На вопрос Милорадовича о крамольных стихах отвечает, что сжег их, но все они найдутся «здесь» (при этом показывает на свой лоб). Ему подают бумагу, и он исписывает стихами целую тетрадь. Тут всё им сочиненное, кроме напечатанного. Или почти всё: эпиграммы на Аракчеева, по всей видимости, там нет. Для потомков эта тетрадь не сохранится.

«Пушкин пленил меня своим благородным тоном и манерою обхождения», — признается Милорадович своему адъютанту через несколько часов после встречи. На следующий день он доставляет тетрадь императору со словами: «Вам, государь, лучше этого не читать». Александр отвечает улыбкой, затем выслушивает рассказ генерал-губернатора. Узнав, что Милорадович от его имени объявил поэту прощение, спрашивает: «Не рано ли?» Но дело сделано, и теперь император решает отправить Пушкина служить на юг — «с соответствующим чином и соблюдением возможной благородности».

Суровее высказывается он в разговоре с директором Лицея Энгельгардтом: «Пушкина надо сослать в Сибирь, он наводнил Россию возмутительными стихами, вся молодежь наизусть их читает. Мне нравится откровенный поступок его с Милорадовичем. Но это не исправляет дело».

Слова о Сибири оказываются лишь угрозой. У Пушкина находится немало защитников. Хлопочет Жуковский. Чаадаев, едва услышав о случившемся, бросается к Карамзину. Тот не одобряет пушкинских стихов, написанных «под знаменем либералистов», однако же соглашается замолвить за него слово перед государем. Перед тем он получает от Пушкина обещание уняться на время и «два года ничего не писать противу правительства» (слова Пушкина из письма Жуковскому 1825 года).

Граф Иван Антонович Каподистрия, статс-секретарь Коллегии иностранных дел, принимает душевное участие в своем подчиненном Пушкине. Добивается его отправки в Екатеринослав, к генерал-лейтенанту Ивану Никитичу Инзову. Генералу предложена новая

должность — полномочного наместника Бессарабской области. Дешешу об этом назначении и повезет Пушкин. На дорожные расходы ему выписана тысяча рублей. Едет он в сопровождении Никиты Козлова. До Царского Села его провожают Антон Дельвиг и Павел Яковлев (брат лицеиста).

Дорога занимает дней десять или одиннадцать. За это время в Царском Селе приключается пожар, сгорает здание Лицея. Жуковский сдает «Руслана и Людмилу» в Цензурный комитет, получает разрешение и передает тысячу рублей гонорара Сергею Львовичу — с тем, чтобы тот отправил их сыну.

XVIII

Генерал Инзов заранее расположен к Пушкину и через несколько дней пишет Каподистрии, что видит в юном поэте не «испорченность сердца», но чрезмерную «пылкость ума». Он собирается опекать и «держат его более на глазах», но тут происходит непредвиденное. Выкупавшись в Днепре, Пушкин заболевает лихорадкой. В горячке встречает свой двадцать первый день рождения.

Вечером к нему наведываются отец и сын Раевские, следующие из Киева на Кавказ. Старший Николай Николаевич — знаменитый генерал и герой 1812 года. Младший Николай Николаевич, как и его брат Александр, были с отцом на театре военных действий и, по преданию, приняли участие в бою под Дашковкой («Певец во стане русских воинов» Жуковского содержит о том упоминание).

С Николаем Пушкин дружен с лицейских времен, а в киевском доме Раевских совсем недавно останавливался по пути. Еще здесь две дочери генерала — Мария и Софья. Сопровождает семейство доктор Рудыковский, который имени Пушкина пока не слышал и лечит его «как самого простого смертного».

Раевский-сын предлагает Пушкину присоединиться к ним и ехать к Кавказским Водам. Инзов благословляет. В путь! Раевские и их свита разместились в двух каретах и коляске. Пушкин сначала садится с Николаем в коляску, но, когда его начинает трясти лихорадка, пересаживается в карету.

Первая встреча с морем неподалеку от Таганрога. Юная Мария Волконская бежит по берегу, играя с набегающими волнами. Пушкин ею любуется. Эпизод этот будет запечатлен в «Евгении Онегине»: «Как я желал тогда с волнами / Коснуться милых ног устами!»

В Таганроге Пушкин с Н. Н. Раевским ночуют в резиденции на Греческой улице — пять лет спустя здесь простится с жизнью император Александр. Дальше их путь лежит через Ростов к Новочеркаску. На обеде у атамана Денисова Пушкин не удерживается от своего любимого бланманже, что приводит к новому приступу лихорадки. Она отпустит его только по прибытии в Горячие Воды.

Генерала Раевского, бывает, встречают в городах с большим почетом, с хлебом-солью. Во время одной из таких церемоний триумфатор подшучивает над Пушкиным:

— Прочти-ка им свою оду. Что они в ней поймут?

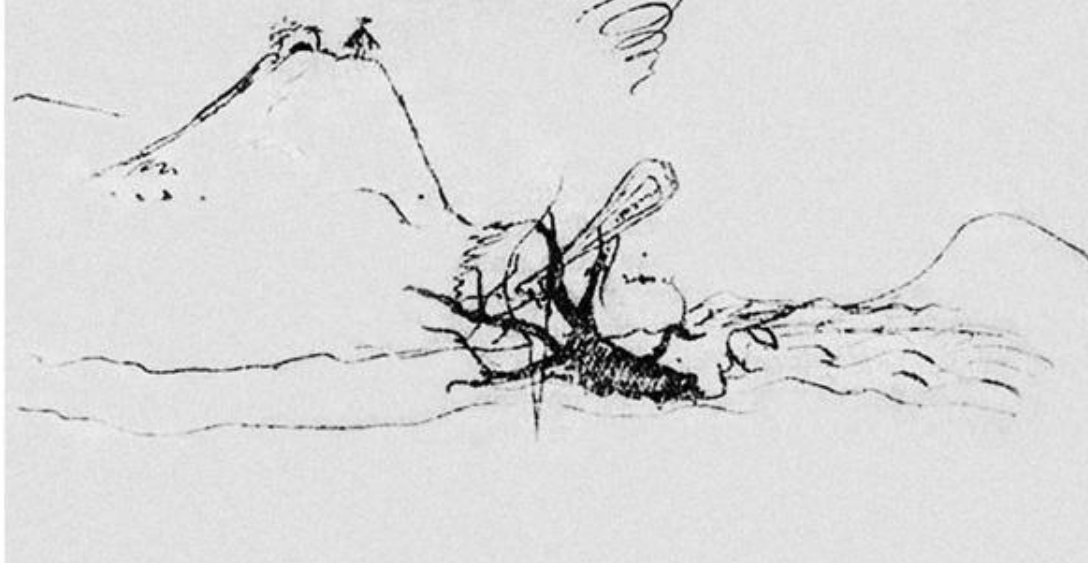
Да, «Вольность» в патриархальной провинции едва ли имеет шанс на успех.

Кавказ. Два месяца новой жизни. Что здесь особенно нравится Пушкину?

Воды. Теплые кисло-серные, железные, кислые, холодные. «Чрезвычайно помогли», как сообщает он в письме брату Льву.

Горы. Пятихолмный Бешту, Машук, Железная, Каменная, Змеиная.

11
 12
 13
 14
 15
 16
 17
 18
 19
 20
 21
 22
 23
 24
 25
 26
 27
 28
 29
 30
 31
 32
 33
 34
 35
 36
 37
 38
 39
 40
 41
 42
 43
 44
 45
 46
 47
 48
 49
 50
 51
 52
 53
 54
 55
 56
 57
 58
 59
 60
 61
 62
 63
 64
 65
 66
 67
 68
 69
 70
 71
 72
 73
 74
 75
 76
 77
 78
 79
 80
 81
 82
 83
 84
 85
 86
 87
 88
 89
 90
 91
 92
 93
 94
 95
 96
 97
 98
 99
 100
 101
 102
 103
 104
 105
 106
 107
 108
 109
 110
 111
 112
 113
 114
 115
 116
 117
 118
 119
 120
 121
 122
 123
 124
 125
 126
 127
 128
 129
 130
 131
 132
 133
 134
 135
 136
 137
 138
 139
 140
 141
 142
 143
 144
 145
 146
 147
 148
 149
 150
 151
 152
 153
 154
 155
 156
 157
 158
 159
 160
 161
 162
 163
 164
 165
 166
 167
 168
 169
 170
 171
 172
 173
 174
 175
 176
 177
 178
 179
 180
 181
 182
 183
 184
 185
 186
 187
 188
 189
 190
 191
 192
 193
 194
 195
 196
 197
 198
 199
 200
 201
 202
 203
 204
 205
 206
 207
 208
 209
 210
 211
 212
 213
 214
 215
 216
 217
 218
 219
 220
 221
 222
 223
 224
 225
 226
 227
 228
 229
 230
 231
 232
 233
 234
 235
 236
 237
 238
 239
 240
 241
 242
 243
 244
 245
 246
 247
 248
 249
 250
 251
 252
 253
 254
 255
 256
 257
 258
 259
 260
 261
 262
 263
 264
 265
 266
 267
 268
 269
 270
 271
 272
 273
 274
 275
 276
 277
 278
 279
 280
 281
 282
 283
 284
 285
 286
 287
 288
 289
 290
 291
 292
 293
 294
 295
 296
 297
 298
 299
 300
 301
 302
 303
 304
 305
 306
 307
 308
 309
 310
 311
 312
 313
 314
 315
 316
 317
 318
 319
 320
 321
 322
 323
 324
 325
 326
 327
 328
 329
 330
 331
 332
 333
 334
 335
 336
 337
 338
 339
 340
 341
 342
 343
 344
 345
 346
 347
 348
 349
 350
 351
 352
 353
 354
 355
 356
 357
 358
 359
 360
 361
 362
 363
 364
 365
 366
 367
 368
 369
 370
 371
 372
 373
 374
 375
 376
 377
 378
 379
 380
 381
 382
 383
 384
 385
 386
 387
 388
 389
 390
 391
 392
 393
 394
 395
 396
 397
 398
 399
 400
 401
 402
 403
 404
 405
 406
 407
 408
 409
 410
 411
 412
 413
 414
 415
 416
 417
 418
 419
 420
 421
 422
 423
 424
 425
 426
 427
 428
 429
 430
 431
 432
 433
 434
 435
 436
 437
 438
 439
 440
 441
 442
 443
 444
 445
 446
 447
 448
 449
 450
 451
 452
 453
 454
 455
 456
 457
 458
 459
 460
 461
 462
 463
 464
 465
 466
 467
 468
 469
 470
 471
 472
 473
 474
 475
 476
 477
 478
 479
 480
 481
 482
 483
 484
 485
 486
 487
 488
 489
 490
 491
 492
 493
 494
 495
 496
 497
 498
 499
 500
 501
 502
 503
 504
 505
 506
 507
 508
 509
 510
 511
 512
 513
 514
 515
 516
 517
 518
 519
 520
 521
 522
 523
 524
 525
 526
 527
 528
 529
 530
 531
 532
 533

Казаки. «Вечно верхом; вечно готовы драться; в вечной предосторожности!» — говорится в том же письме.

Раевского со свитой сопровождают 60 казаков, позади — заряженная пушка с зажженным фитилем. Это реальные меры безопасности. Известный генерал — желанная добыча для горцев, за него можно затребовать большой выкуп. «Тень опасности» возбуждает поэтическое воображение.

В конце июля или в начале августа 1820 года в Петербурге выходит первая книга Пушкина — «Руслан и Людмила». А незадолго до того он в духане слышит рассказ казака-ветерана о том, как горцы на аркане увели его за Кубань, как его спасла черкешенка, распилившая кандалы... Сюжет для новой поэмы. А к первой он дописывает эпилог, где говорит уже новым языком:

Забытый светом и молвою,
Далече от берегов Невы
Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы.

Под прошлым подводится черта, автор как бы навсегда прощается с поэтическим вдохновением:

И скрылась от меня навек
Богиня тихих песнопений...

Но не точка все-таки в конце, а многоточие.

Из Пятигорска в начале августа (5-го или 6-го числа) Раевские и Пушкин отбывают по направлению к Крыму. 14-го приезжают в Тамань, а наутро отплывают морем в Керчь, куда прибывают вечером.

Пушкин видит развалины Митридатовой гробницы, а поодаль от Керчи — остатки древнего города Пантикапея. Наверное, под землей, насыпанной веками, что-то скрывается. Но сами по себе археологические объекты его не очень трогают. Через несколько лет он напишет Дельвигу: «Я видел следы улиц, полузаросший ров, старые кирпичи — и только». Пушкину не свойственны, говоря современным языком, туристская любознательность и абстрактное почтение к древностям. Его больше трогает то, что создано чьей-то фантазией, что пробуждает его собственное воображение. Как, например, те развалины, которые он увидит чуть позже около Георгиевского монастыря. По преданию, это храм Артемиды (Дианы). Пушкин, вспоминая о нем, напишет: «Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере тут посетили меня рифмы, я думал стихами».

День и две ночи Раевские и Пушкин проводят в Феодосии (она в то время именуется Кефе), откуда на военном бриге отплывают в Юрзуф (тогдашнее название Гурзуфа). На корабле Пушкин слагает элегию, которую сам потом назовет «подражанием Байрону»:

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

Гурзуф принадлежит герцогу де Ришелье, премьер-министру Франции, а в прошлом — градоначальнику Одессы. Раевские и Пушкин приезжают в двухэтажный дом, построенный герцогом для гостей. Там их встречают прибывшие ранее жена генерала Софья Алексеевна, дочери Екатерина и Елена.

О тех трех неделях Пушкин вскоре напишет брату: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского».

«Семейство». Это слово еще дважды повторится в том же послании, причем в пределах одного предложения: «Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался, — счастливое, полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение, — горы, сады, море: друг мой, любимая моя надежда — увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского. Будешь ли ты со мной? скоро ли соединимся?»

Чувство семьи — вот что здесь главное. Недаром вслед за рассказом о Раевских автор письма тут же испытывает прилив родственной нежности к своему брату.

Генерал Раевский дорог Пушкину не только как военный герой, но и как «попечительный друг» и «ласковый хозяин». Сердечное к нему отношение он готов перенести и на недоброго и демоничного Александра: «Старший сын его будет более нежели известен» (правда, это предсказание не сбудется). Как единое целое воспринимает Пушкин и четырех сестер Раевских: «Все его дочери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная». Особо отмечена Екатерина (будущая Орлова), которая впоследствии попадет в «Донжуанский список»: она на два года старше Пушкина, и в ней он видит уже сформировавшуюся значительную личность. Но можно ли говорить о его истинно мужской влюбленности в какую-либо из сестер? Наверное, стоит все-таки поверить словам Марии Николаевны (с 1825 года Волконской) в ее «Записках»: «В сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал всё, что видел».

Чем еще останется в памяти Пушкина Гурзуф?

Виноград, которым он обедался. Шум моря, который он слушал «целые часы». Молодой кипарис в двух шагах от дома, к которому он «привязался чувством, похожим на дружество».

Пятого сентября Пушкин с отцом и сыном Раевскими отбывает из Гурзуфа. Едут на лошадях до Никитского сада, минуют Ялту — маленькую деревушку на морском берегу. Ночевка на татарском дворе, следующая — в Георгиевском монастыре. По дороге в Бахчисарай Пушкин заболевает лихорадкой. В письме Дельвигу он потом

припомнит: «Вошед в дворец, увидел я испорченный фонтан, из заржавленной железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевает, и на полувропейские переделки некоторых комнат». Тем не менее импульс для сочинения поэмы о бахчисарайском фонтане получен. «Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием? или воспоминание самая сильная способность души нашей, и им очаровано всё, что подвластно ему?» — спрашивает Пушкин не только Дельвига. Письмо это — литературный факт, оно будет напечатано в «Северных цветах на 1826 год» под названием «Отрывок из письма А. С. Пушкина к Д.».

В Симферополе Пушкин расстается с Раевскими и отправляется в Одессу, где проводит несколько дней, а 21 сентября приезжает в Кишинев. Живет поначалу в заезжем доме, а с октября пользуется гостеприимством Ивана Никитича Инзова.

«Проклятый город Кишинев!» — напишет Пушкин три года спустя — уже из Одессы — в стихотворном послании к Филиппу Филипповичу Вигелю, своему давнему знакомцу еще с «арзамасских» времен. Послание шуточное: недаром в конце автор довольно фамильярно касается сексуальной ориентации адресата (который ее не скрывал и порой даже раздражал собеседников разговорами на нескромную тему): «Тебе служить я буду рад / Своей беседою шальной — / Стихами, прозою, душою, / Но, Вигель, — пощади мой зад!»

Да, в Кишиневе Пушкину было скучновато. Отсюда его повышенная дуэльная активность. Уже в конце октября он после дружеской пирушки с жженкой ссорится с почтмейстером Алексеевым и отставным полковником Федором Орловым: он мешает им играть в бильярд, а они за это обзывают его «школьником». Пушкин отвечает вызовом, но, к счастью, приглашенный им в секунданты подполковник Иван Липранди уводит Пушкина в свой дом, а потом примиряет противников.

Самая интересная фигура в Кишиневе в это время — Михаил Федорович Орлов, генерал-майор, командир пехотной дивизии. Бывший «арзамасец», вольнодумец, активный участник тайного общества — Союза благоденствия. За него вскоре выйдет замуж одна из дочерей генерала Раевского — Екатерина.

В середине ноября 1820 года Инзов разрешает Пушкину поездку в Каменку — имение братьев Александра и Василия Давыдовых в Киевской губернии. Оба Давыдовы — сводные братья Николая Раевского-старшего. Александр — отставной генерал, Василий — отставной полковник, с 1821 года один из руководителей тайного Южного общества.

Александр Давыдов держится с Пушкиным несколько покровительственно, за что ему потом изрядно достанется от поэта. «И

рогоносец величавый» — такой строкой припечатает он его в первой главе «Онегина». Достанется и супруге, Аглае Давыдовой, которая старше Пушкина на 12 лет. Затеяв с ней интрижку, он не удерживается от злой эпиграммы «Иной имел мою Аглаю...» с убийственным пуантом: «Скажи теперь, мой друг Аглая, / За что твой муж тебя имел?» Есть еще одна эпиграмма на Давыдову, крайне грубая.

У Давыдовых двенадцатилетняя дочь Адель, которой поэт посвящает знаменитый впоследствии мадригал: «Играй, Адель, / Не знай печали...» Для забавы Пушкин дразнит девочку, притворяется влюбленным в нее. Делает он это неловко, по мнению даже расположенных к нему очевидцев. Причина проста: страсти в поэте бушуют, но любить он еще не умеет. Вскоре, впрочем, научится — когда изведает любовное страдание.

В Каменке гостят Николай и Александр Раевские. Вскоре туда приезжают Михаил Орлов и Иван Якушкин. Тот самый, который будет упомянут в десятой главе «Онегина»:

Читал свои Ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.

«Noël», к удовольствию автора, Якушкин цитирует наизусть. Да и прочие вольнодумные пушкинские стихи, по его словам, в армии знает всякий сколько-нибудь грамотный прапорщик. Однако посвящать поэта в тайны политического заговора он не спешит. Более того: собравшиеся в Каменке заговорщики устраивают розыгрыш. Затевают беседу о том, нужно ли в России тайное политическое общество. Якушкин делает вид, что такового нет. Пушкин с наивной страстностью доказывает, что тайное общество могло бы принести России большую пользу. Александр Раевский, также не посвященный в секретные дела, говорит о своей готовности вступить в тайное общество, если бы оно существовало. «В таком случае давайте руку», — отвечает ему Якушкин. А потом объявляет, что это шутка.

Пушкин чуть не плачет. Он уже видел высокую цель перед собой, а его разыграли как ребенка. «В эту минуту он был точно прекрасен», — вспомнит Якушкин 30 лет спустя.

Пребывая «далече от берегов Невы», Пушкин заочно участвует в столичной литературной жизни, и притом активно. «...Нового в литературе ничего у нас нет, кроме поэмы Пушкина “Руслан и Людмила”, которую хвалят и хулят без милосердия», — пишет в сентябре поэт, издатель журнала «Благонамеренный» Александр Измайлов Павлу Яковлеву (тому самому, что вместе с Дельвигом провожал Пушкина в дальнее странствие).

Хвала и хула. Из них составляется литературная слава. Первое критическое нападение на Пушкина еще в июне предпринял в «Вестнике Европы» критик, подписавшийся «Житель Бутырской слободы» (А. Г. Глаголев). Прочитав отрывок из поэмы, он упрекает автора за «плоские шутки старины». Пушкинское остроумие и речевая раскованность еще полтора десятилетия будут выводить чинных критиков из себя.

По выходе книжного издания подробный разбор «Руслана и Людмилы» помещает в четырех номерах «Сына отечества» Александр Воейков — поэт (арзамасская кличка «Дымная печурка»), автор легендарного сочинения «Дом сумасшедших». Статья высокомерна, комплименты дарованию Пушкина сочетаются с категоричными поучениями и неосновательными мелочными придирками. В печатную полемику с Воейковым вступает Алексей Перовский (будущий прозаик, который под псевдонимом Антоний Погорельский опубликует знаменитую сказку «Черная курица, или Подземные жители»). А «живой классик» Иван Крылов прихлопнул занудство Воейкова эпиграммой, обыгрывая французское изречение «Критика легка, искусство трудно»:

Напрасно говорят, что критика легка:
Я критику читал Руслана и Людмилы —
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка.

Эта эпиграмма без подписи публикуется в сентябре в «Сыне отечества» — вслед за авторскими «прибавлениями» к поэме (отрывки из шестой песни и эпилог), вместе с такой же защитительной эпиграммой Дельвига. Это утешит Пушкина, о чем он напишет в декабре Гнедичу. В том же письме известит о том, что у него готова или почти готова новая поэма. Будущий ...

Конец ознакомительного фрагмента

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную версию](#).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

До недавнего времени вероятной датой этого события считалось 2 октября 1817 года, однако, согласно новейшим разысканиям О. А. Проскурина, официальное вступление Пушкина в «Арзамас» состоялось 7 апреля 1818 года, когда история сообщества практически завершилась.

По общепринятому мнению, «Вольность» написана в ноябре или декабре 1817 года. По другой версии — в 1819 году.

Некоторые исследователи считают данный эпизод художественным вымыслом Пушкина. По этому поводу можно сказать: «*Se non è vero, è ben trovato*» («Если и неправда, то хорошо придумано»). Непосредственно за этим рассказом следует авторское размышление о судьбе Грибоедова, о превратностях литературной славы, чрезвычайно ценное само по себе. Итоговый вывод: «Замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...»

4

По старому стилю.

То есть членом Императорской Российской академии, созданной в 1783 году Екатериной II и княгиней Е. Р. Дашковой и занимавшейся составлением академического словаря русского языка. В 1841 году Российская академия будет присоединена к Санкт-Петербургской академии наук, основанной в 1724 году по указу Петра I.

Стелла Абрамович в своей книге «Пушкин в 1836 году» указывает, что эпизод произошел в промежутке между 28 октября и 3 ноября, а наиболее вероятная дата — 2 ноября.

Древо яда. (*Прим. А. С. Пушкина.*)

Прочь, непосвященные (*лат.*).

Радуйся, Матерь Божия (*лат.*).

Свет небес, святая роза (*лат.*).

Не презирай сонета, критик. *Вордсворт (англ.)*.

Hamlet. (*Прим. А. С. Пушкина.*)

Я воздвиг памятник (*лат.*).